

УДК 811.16:94

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-76-79

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В РАБОТАХ П.А. КУЛАКОВСКОГО

В.А. АПЕКУНОВ

(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3345>

В данной статье рассматривается часть научного наследия русского учёного-слависта Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), которая посвящена вопросам панславизма. В основе данной концепции, сформировавшейся в XVIII–XIX вв., лежала идея об объединении славянских народов на основе этнической, языковой и культурной общности. Немало славянских деятелей из разных стран пытались ответить на вопрос о том, каким образом данное объединение должно было осуществиться. Некоторые представители славянства сходились во мнении о роли Российской империи в качестве ведущей державы славянского мира.

В своих исследованиях, посвящённых национальному возрождению южнославянских народов, П.А. Кулаковский не только отстаивал точку зрения о России как об оплоте славянства, который сумеет объединить под своей эгидой другие славянские народы, но и пытался ответить на вопрос, можно ли было достичь этой цели в обозримом будущем.

Ключевые слова: Россия, панславизм, славянский мир, общеславянский язык, иллиризм.

Введение. Оформи́вшись к началу XIX в. как идейное течение, панславизм подразумевал под собой объединение славянского мира на основе этнической, языковой и культурной общности. Данная проблема включала в себя также и вопрос о лидерстве того или иного славянского народа или же государства. Одной из ключевых идей во всей концепции панславизма является идея «славянской взаимности». Интерес к изучению вопросов «славянской взаимности» в России возник на фоне формирования среди общественных деятелей России интереса к истории и литературе южнославянских народов, которые в XIX в. переживали национально-культурный подъём. Тогда же за основу взаимоотношений между славянскими народами берётся идея о так называемой «славянской взаимности», которая гласит, что славяне едины по своему происхождению и обычаям. Кроме того, отношения между ними, согласно данной теории, должны строиться на основе солидарности и взаимной поддержки [1, с. 5].

Деятельность русского учёного-слависта Платона Андреевича Кулаковского пришлась на тот период, когда славяноведение переживало свой очередной подъём во второй половине XIX в. При этом, П.А. Кулаковский, как и многие другие деятели славянства, считал, что объединительную роль должна была играть Российская империя, для чего приводились соответствующие аргументы. Одним из таких аргументов послужил факт того, что Россия значительно укрепила свои позиции на внешнеполитической арене после победы в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., поскольку именно победа России сыграла ключевую роль в освобождении славянских стран от османского владычества. Исходя из этого многим казалось, что панславизм был как никогда близок к полному осуществлению своих задач [2, с. 27].

П.А. Кулаковский является автором более 120 научных и иных публикаций. При этом он был не только учёным, но и видным общественным деятелем Российской империи. Платон Андреевич занимал преподавательские должности во Владимирской мужской гимназии, Великой школе в Белграде, Варшавском университете, кроме того, в начале XX века активно занимался публицистической деятельностью. В этой сфере он, прежде всего, известен как главный редактор журнала «Окраины России», также занимал должность редактора «Правительственного вестника» и многих других изданий. Стоит также упомянуть, что П.А. Кулаковский являлся одним из активных членов «Русского окраинного общества» (РОО) [3, с. 91]. Из тех воззрений, которых он придерживался, можно сделать вывод о приверженности учёного панславистской идее, поскольку П.А. Кулаковский считал, что именно Россия как единственное крупное суверенное славянское государство способна объединить под своим началом весь или, по крайней мере, большую часть славянского мира.

Цель настоящей статьи – определить и проанализировать те положения П.А. Кулаковского, в которых учёным, с одной стороны, раскрывались вопросы объединения славян в языковом, культурном и этническом аспекте, а с другой стороны доказывалось, почему именно Россия, по его мнению, должна была стать лидером славянского мира.

Основная часть. Во второй половине XIX в. происходили значительные изменения в положении славянских народов, в это время начинается новый этап освободительной борьбы славянских стран. Кроме того, прошедший в 1867 г. в Москве и Петербурге второй Славянский съезд показал интерес к теме со стороны русской общественности, а также надежды славянского населения Османской империи и Австро-Венгрии на помощь России. На съезде активно обсуждались концептуальные идеи панславизма, вопросы превращения русского языка в общеславянский язык, а также культурной интеграции. Тем самым второй Славянский съезд явился противоположностью первому Славянскому съезду, проходившему в 1848 г. в Праге, чья главная цель заключалась в провозглашении равных прав славян среди других европейских народов, в том числе в рамках многонациональной Австрийской империи, а также в попытке противостояния пангерманизму и мадьяризации.

Одним из важнейших в этой связи являлся вопрос о едином славянском языке. Свою точку зрения по данной проблематике П.А. Кулаковский изложил в работе «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян», изданной в 1885 г. в Варшаве. В своём труде он писал, что в течение XVI–XVIII вв. существовало два варианта решения вопроса. Первый – создание искусственного языка с добавлением форм из

других языков и наречий. В числе выразителей данной идеи П.А. Кулаковский выделял хорватского богослова Юрия Крижанича. Проанализировав сочинения хорватского деятеля XVII в., П.А. Кулаковский пришёл к выводу о том, что Ю. Крижанич видел в русском языке основу для создания в последующем единого славянского языка, однако данная попытка обернулась неудачей из-за отсутствия, как указывал, П.А. Кулаковский, живости, лёгкости и точности получившегося языка. Кроме того, сказались и отсутствие у Ю. Крижанича достаточных сведений о старославянском языке, что привело к отбрасыванию форм того или иного славянского языка, которые вызвали у него критику [4, с. 16]. Схожую с Ю. Крижаничем идею попытались продвинуть уже в XIX в. Ян Геркель и Матий Маяр Зильский. Несмотря на общую суть, в их подходах имелись существенные различия и особенности. Так, Я. Геркель в своём варианте склонялся к использованию словацкой основы, согласно П.А. Кулаковскому, который ссылался на статью о всеславянском языке профессора Мартина Гатталы. П.А. Кулаковский соглашается с Я. Геркелем, который в своём сочинении 1826 г. «Основы всеобщего славянского языка» писал, что на развитие языка влияют как разнообразие занятий народа, так и общее количество представителей этого народа, в то же время критикуя его за так называемые «дурные привычки», которые вошли в славянские языки и с которыми Я. Геркель якобы смешивал те особенности славянских наречий, которые возникли от «живого» языка [4, с. 18]. В свою очередь, М. Маяр считал, что совместное действие азбуки и орфографии будет являться основой для объединения славян. Тем самым, решительно встал вопрос о применении к общему славянскому письму либо латиницы, либо кириллицы. Именно к последнему варианту и склонялся М. Маяр. Его основная идея заключалась в отборе тех форм, которые так или иначе встречаются в славянских языках и наречиях и на основе которых должен быть создан единый язык, базирующийся на «взаимной грамматике» [5, с. 114]. П.А. Кулаковский указывал, что идея М. Маяра всё же находилась в довольно шатком положении, поскольку в то время, когда жил М. Маяр, привести все языки к общему знаменателю было крайне проблематично, если не сказать, что совсем невозможно [6, с. 39]. Кроме того, П.А. Кулаковский писал, что, несмотря на схожесть идей М. Маяра и Ю. Крижанича, последний имел больше шансов на успех, поскольку в XVII в. ещё не существовало славянской письменности на народных языках [4, с. 30].

Альтернативным вариантом была мысль о необходимости принятия одного из славянских языков в качестве общего для всех славян. П.А. Кулаковский отдавал предпочтение данному варианту, обосновывая это тем, что именно русский язык, по его мнению, с большей вероятностью мог стать всеславянским языком для всех южных славян, в том числе, и для сербов. Также ученый писал, что представители духовенства, причём как православного, так и католического, в XVII в. приходили к единому мнению о том, что русский язык является образцовым для славянства в целом и для сербов в частности [7, с. 23–24]. Поэтому не случайно П.А. Кулаковский в своей работе, посвящённой деятельности Вука Караджича, выступил с критикой его реформы сербского языка. Учёный доказывал, что В. Караджичу не стоило порывать с русской литературой, что укрепление культурного влияния России являлось великим благом для сербов. «Реформа Вука Караджича, – писал П.А. Кулаковский, – в отношении сербского литературного языка была слишком поспешна: ею слишком резко прерваны все связи сербской литературы с русской и её языком, связи столь крепкие, что начинающая сербская литература могла надеяться на широкое развитие совместно с русской; ею предоставлена своим силам литература малого сербского народа, которая вследствие своей слабости легко может стать лишь отголоском направлений, совершенно чуждых сербскому народу» [8, с. 232–233].

И всё же, данное решение вопроса о всеславянском языке также не являлось идеальным. Кроме русского, существовали и другие славянские народы с развитой культурой и богатой историей, некоторые из которых не могла устроить объединительная роль России и её потенциальное лидерство на всём славянском пространстве. В XIX в. существовали различные объединительные проекты, в которых за объединением славян на языковой основе рано или поздно должно было последовать объединение политическое, чего в своё время придерживался Людевит Гай – известный деятель хорватского национального возрождения, один из основоположников проекта «Великой Иллирии». Ко всему прочему, можно вспомнить также и о проекте так называемой «Великой Сербии», появившемся в первой половине XIX в. и предусматривавшем создание единого южнославянского государства под эгидой Сербии.

Таким образом, на практике идея принятия русского языка в качестве всеславянского являлась труднореализуемой и тому было две причины. Во-первых, данная концепция была бы с большой вероятностью отвергнута некоторыми славянскими народами, в частности, польским народом, имевшем свои исторические претензии. Известно, что с момента разделов Речи Посполитой и до самого возрождения Польши в 1918 г. ведущей идеей польской интеллигенции было возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г., на что, в частности, были направлены два восстания (1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.). Во-вторых, к данной идее относились со скептицизмом в самой России, критикуя её за снижение степени национальной самодостаточности. «Если славянство, – писал известный учёный А.Н. Пыпин, – примет когда-нибудь русский язык, по крайней мере, для главнейших произведений литературы, имеющих общеславянский интерес, это произойдет естественным, постепенным ростом самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланиями» [9, с. 831]. П.А. Кулаковский также высказывался на счёт общеславянского языка довольно умеренно. Здесь его позиция в определённой степени совпадает с позицией А.Н. Пыпина. Так, русский язык в скором времени мог бы стать языком общения для многих славян, – считал учёный, – и он уже на пути к этому: «Уже в школах Сербии, Черногории и Болгарии ему хорошо научают, и многочисленные общества у чехов и словенцев быстро распространяют это знание» [10, с. 12]. При этом П.А. Кулаковский понимал, что в полной мере взять на себя ведущую роль русский язык сможет лишь в отдалённой перспективе, поэтому оговаривался, что данный вариант решения вопроса о всеславянском языке всё же не является единственным.

Интересно, что попытка создания общеславянской азбуки предпринималась и в самой России. В этой связи П.А. Кулаковский отмечал деятельность известного славяноведа А.Ф. Гильфердинга, который в работе «Общеславянская азбука с приложением образцов Славянских наречий», изданной в 1871 г. выступил с данной идеей. Она не пользовалась популярностью в научных кругах России, в частности, П.А. Кулаковским приводилась критика со стороны известных русских учёных. Так, В.В. Макушев говорил о несостоятельности замысла А.Ф. Гильфердинга в связи с тем, что он «устанавливает 8 азбук вместо одной» [4, с. 31].

С этнической точки зрения дела с объединением славян обстояли гораздо сложнее. Когда П.А. Кулаковский в 1895 г. произносил свою речь, посвящённую памяти известного деятеля чешского национального возрождения Павла Иосифа Шафарика, он указывал на «манию величия», по его мнению, захватившую славянские народы в их отношениях друг с другом. «Если бы было достаточно нравственной силы у Славян, то прекратилась бы, так сказать, мания величия, составляющая ныне одну из важных причин взаимных раздоров между различными славянскими народностями: тут Сербы воскрешают давно потерявшие силу права на владение различными частями Болгарских стран, там Болгары вспоминают о когда-то бывших болгарских владениях и поселениях на территории Сербов, – там Хорваты стараются воскресить свои забытые права на сербские земли, а тут Поляки готовы служить каждому чужому господину, предаваясь неосуществимым мечтам о воскрешении польской государственности и возвращении под свою власть русских земель, а пока лишают русского духа Червонную Русь, лукаво придумывая какой-то особый «русский» народ... Эта болезнь сравнительно недавно у Славян и несомненно излечима» [11, с. 13].

То же самое касалось и проблемы общеславянского языка. Так, один из известных славянских деятелей Ян Коллар утверждал, что «взаимость эта [славянская] не состоит ни в смешении всех славянских языков в один главный язык, ни в принятии одного письменного главного наречия, как об этом стали мечтать некоторые слависты. <...> Большинство Славян держится с прирождённой и столетиями освящённой любовью своего наречия и уже каждое развило свою литературу и стало образованным настолько, что не может спокойно уступить или забыть добытое» [12, с. 35]. Очевидно, Ян Коллар понимал, что решить проблему объединения славян за счёт принятия какого-либо одного славянского языка или наречия в ущерб остальным было уже в XIX в. просто невозможно. Схожей точки зрения придерживался и П.А. Кулаковский, когда писал о том, что вопросом о принятии всеми народами одного языка неизбежно «затрагивается самолюбие отдельных славянских народностей» [4, с. 39]. Подробнее об этой проблеме учёный писал в своём труде, посвящённом «иллиризму», где признавал, что объединение южных славян не представляется возможным, поскольку «югославяне были внутри себя слишком разъединены и не были в состоянии провести на практике теоретические предположения и расчёты» [13, с. 152]. Те же сербы, недавно освобождённые от власти Османской империи, не без основания скептически относились к «иллиризму», противясь лидерству хорватов. В Крайне, в силу раньше начавшейся там литературной жизни, выразилось всяческое противодействие как принятию нового языка на основе штокавского диалекта, так и принятию «иллирской» орфографии. Таким образом, говорить о литературном и политическом объединении южнославянских народов в рамках концепции «иллиризма» не представлялось П.А. Кулаковскому возможным, поскольку между народами, которые потенциально должны были входить в состав «Великой Иллирии», слишком много было различий: культурного, языкового, вероисповедного и политического характера [6, с. 38].

«Иллиризм» для славянского мира, по мнению П.А. Кулаковского, стал одной из самых плодотворных литературных и политических теорий, которая повлияла на дальнейшие стремления сербов, хорватов и словенцев к взаимному сближению. При этом учёный выражал надежду на то, что идеи «иллиризма» однажды охватят не только южнославянские земли, но и весь славянский мир. «Достигнут ли юго-западные славяне такого объединения с восточными славянскими ветвями – это вопрос будущего, но несомненно, что теория «иллиризма» со всеми своими дальнейшими выводами пробудила и обосновала такое стремление, возбудила энергию в тогдашних деятелях и направила югославян к такой задаче» [13, с. 411]. В связи с этим Я. Колларом предлагалась идея «литературной взаимности» в противовес «литературного единения». Более того, им даже предлагались практические меры для осуществления данной задачи, такие как открытие в крупных славянских городах книжных лавок, кафедр славянских наречий, единого литературного журнала, а также постепенное устранение чужих слов и форм с последующей их заменой славянскими аналогами. Схожие идеи в своё время высказывал и П.И. Шафарик, утверждая, что проблему общеславянского языка может решить некая «внешняя сила», которая сможет объединить славян в единое целое. При этом ни П.А. Кулаковский, ни сам П.И. Шафарик не конкретизировали, что же именно подразумевалось под «внешней силой» [12, с. 27–28].

Стоит сказать, что и сам П.А. Кулаковский в определённой степени воплощал идеи Я. Коллара в жизнь. Так, во время своей командировки в Сербию в 1878–1882 гг. учёный издал хрестоматию «Руска читанка» для улучшения знания русского языка среди сербских студентов Великой школы, где учёный преподавал русский язык и литературу, а также занимал должность преподавателя только открывшейся кафедры русского языка и истории русской литературы. Также он предпринимал попытки открытия в Белграде русской читальни, однако в силу определённых трудностей, в особенности финансовых, пришлось ограничиться лишь открытием русского книжного отделения при белградской народной читальне. Данной идее поспособствовали как Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, членом которого, к слову, П.А. Кулаковский стал несколько позднее, в 1887 г., так и архимандрит Нестор (Попович) – председатель общества читальни [14, с. 81].

И всё же П.А. Кулаковский выступил с критикой идеи Я. Коллара о «литературной взаимности». С одной стороны, – как он отмечал, – идеи Я. Коллара привели к распространению знаний о славянах, но при этом эти же идеи ничего не дали для того, чтобы осуществить единение славян, будучи не в состоянии «глубоко проникнуть в жизнь всех племён» [4, с. 48–49].

Кроме языкового и этнического факторов, объединению славян препятствовал фактор религиозный, который для П.А. Кулаковского имел не меньшее значение. Не случайно именно вероисповедание учёный считал причиной, по которой между славянскими народами в последующем возникают конфликты. «Все те славянские народности, – писал учёный, – которые подпали под господство Римской церкви, скоро забыли о славянском богослужении Кирилла и Мефодия и едином языке Славянской книги. Ничем не связанные между собою, разделённые поселившись среди них чуждыми Славянам народностями, эти Славяне оказались слабыми и в борьбе за сохранение своей самостоятельности, как политической, так и духовной» [4, с. 2]. О данной проблеме учёный неоднократно заявлял в контексте сущности «польского вопроса». Впрочем, для самого П.А. Кулаковского, «польский вопрос» был лишь составной частью другого, более масштабного вопроса, вопроса борьбы «римско-германского Запада, – как писал учёный, – и «славяно-греческого православного Востока». В этой связи Платон Андреевич выступал с критикой политики российских императоров Павла I и Александра I, которые, по его словам, не понимали того, что за «польским вопросом», за требованиями польской элиты восстановления Речи Посполитой стоит борьба двух культурно-цивилизационных миров, в отличие от их предшественницы, императрицы Екатерины II. Кроме того, учёный верил, что именно славянам суждено сыграть важную роль в истории мировой цивилизации.

Заключение. Таким образом, на основе анализа работ П.А. Кулаковского, посвящённых проблеме объединения славян, можно сделать вывод о том, что многочисленные попытки каким-либо способом решить данную задачу, как со стороны отдельных деятелей славянства, так и со стороны самого П.А. Кулаковского, неизбежно упирались в различные противоречия. Для П.А. Кулаковского было важным лидерство России во всех сферах жизни славянства, отчего со стороны учёного и проявлялось активное внимание к идеям принятия русского языка как общеславянского, активным сторонником чего он сам и являлся. Однако в своих размышлениях и исследованиях учёный столкнулся с трудностями, а потому, к сожалению для себя, приходил к выводу о том, что на тот момент времени решить проблему объединения славян не представлялось возможным. П.А. Кулаковский надеялся, что однажды славянское единение будет достигнуто под эгидой Российской империи, что нашло своё отражение в многочисленных работах этого видного учёного и общественного деятеля своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славяноведение в дореволюционной России / В.А. Дьяков, С.Б. Бернштейн, В.П. Гудков и др.; отв. ред. Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1988. – 414 с.
2. Бернштейн С.Б. Труды по истории славистики (К 100-летию со дня рождения учёного). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. – 400 с.
3. Бондаренко К.М., Лавринович Д.С. Русские и белорусские монархисты в начале XX века. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
4. Кулаковский П.А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке славян. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885. – 57 с.
5. Чуркина И.В. Всеславянская модель Матия Маяра Зильского // Славян. альм. – 2001. – С. 106–119.
6. Апекунов В.А. Национальное возрождение южнославянских народов в работах П.А. Кулаковского // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2021. – № 10. – С. 36–40.
7. Кулаковский, П. А. Начало русской школы у сербов в XVIII в.: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы. – СПб.: Известия Отд. русс. яз. и словесности Императорской Академии наук, 1903. – 176 с.
8. Кулаковский П.А. Вук Караджич: его деятельность и значение в сербской литературе. – М.: Тип. бывш. Ф.Б. Миллера, 1882. – 256 с.
9. Начатки литературной солидарности // Вестн. Европы. – 1878. – № 8. – С. 826–832.
10. Кулаковский П.А. Поляки и вопрос об автономии Польши. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 24 с.
11. Кулаковский П.А. Памяти Павла Иосифа Шафарика. – СПб.: Печатня Е. Евдокимова, 1895. – 18 с.
12. Кулаковский П.А. Павел Иосиф Шафарик. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1895. – 46 с.
13. Кулаковский П.А. Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1894. – 513 с.
14. Данченко С.И. Деятельность П.А. Кулаковского в Белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского учёного) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 1. – С. 77–93.

Поступила 28.05.2023

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF SLAVIC UNITY IN THE WORKS OF P.A. KULAKOVSKY

V. APEKUNOV

(Mogilev State University named after A.A. Kuleshov)

This article examines the part of the scientific heritage of the Russian scientist-Slavist Platon Andreevich Kulakovsky (1848–1913), which addressed the issues of pan-Slavism. This concept, formed in the XVIII–XIX centuries, was based on the idea of uniting Slavic peoples on the basis of ethnic, linguistic and cultural community. Quite a few Slavic figures from different countries tried to answer the question of how this unification was to be realized. Some representatives of the Slavs agreed on the role of the Russian Empire as the leading power of the Slavic world.

In his research on the national revival of the South Slavic peoples, P. A. Kulakovsky not only defended the point of view of Russia as a pillar of the Slavs, which will be able to unite other Slavic peoples under its auspices, but also tried to answer the question whether it was possible to achieve this goal in the foreseeable future.

Keywords: Russia, pan-Slavism, Slavic world, common Slavic language, Illyricism.